УДК 82-92

М. В. Семиколенных
Русская христианская гуманитарная академия

ОБРАЗ ЗМЕЯ/ДРАКОНА В ПОЛЕМИКЕ ПЛАТОНИКОВ И АРИСТОТЕЛИКОВ СЕРЕДИНЫ XV ВЕКА*

Змей или дракон и противостояние ему героя-змееборца — традиционный мифологический и литературный сюжет. Появляется этот мотив и в полемическом контексте, когда противник — раскольник, еретик, политический оппонент — сравнивается с ядовитым или огнедышащим чудовищем. Среди множества эсхатологических образов, к которым прибегает Георгий Трапезундский, характеризуя Платона и платоников в своем трактате *Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis* (1458), есть и сравнение платоновского учения со змеем, драконом и многоголовой Лернейской гидрой. Такое сопоставление не случайно: во-первых, Георгий проводит вполне очевидные параллели между триумфом платонизма (который он надеялся предотвратить) и триумфом Антихриста, часто представлявшегося в образе дракона или ассоциировавшегося со змеей, а во-вторых, прозрачна ассоциация и со сладкоречивым змеем-соблазнителем, подтолкнувшим человека к грехопадению. Противники Георгия Трапезундского — Виссарион Никейский, Феодор Газа, Никколо Перотти, Домицио Кальдерини — игнорируют «эсхатологические» упреки Георгия в адрес Платона и платоников (обвинение в том, что их учение привело к падению Византии под натиском турок и может привести к гибели весь христианский мир), настаивая на обсуждении сугубо академических вопросов (проблем перевода текстов Платона и интерпретации конкретных философских проблем), а также попыток Георгия вступить в переговоры с турками. Однако к образу дракона, змея или химеры они тоже прибегают, применяя его уже к самому Георгию, — борьба с его «змеиным языком» и «все оскверняющим заразнейшим дыханием» превращается в их сочинениях в своего рода коллективное драконоборчество. В статье рассматриваются примеры сравнения со змеем/драконом в сочинениях этих авторов, контекст, в котором участники полемики прибегают к подобным сравнениям и различные подходы к интерпретации этих образов, определяющиеся прежде всего задачами конкретных сочинений. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: средневековая демонология, эсхатология, змей, полемика, ренессансный платонизм, спор платоников и аристотеликов.

Maria V. Semikolennykh
Russian Christian Academy for the Humanities

SERPENT/DRAGON IN PLATO-ARISTOTELIAN POLEMICS OF THE 15TH CENTURY

The serpent or dragon and its fight with the dragonslayer is a traditional mythological and literary motif. It is also common for a polemical context, when an adversary — a schismatic, a heretic, a political opponent — is compared to a poisonous or fire-breathing

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

monster. Among the many eschatological images that George of Trebizond cites in his dramatic characteristic of Plato and the Platonists in *Comparatio philosophorum Aristotelis et Platonis* (1458), there is also a comparison of Platonic teachings with a serpent, a dragon, or the many-headed Hydra. This is not a coincidence: George draws quite obvious parallels between the triumph of Platonism (which he hopes to prevent) and the triumph of the Antichrist, who is often described as dragon or associated with a snake; the association with the eloquent and treacherous serpent is also transparent. The opponents of George of Trebizond: Basilios Bessarion, Theodore Gaza, Niccolò Perotti, Domitio Calderini, — ignore George's "eschatological" accusations. However, they also resort to the image of a dragon, snake, or chimera, applying it to George himself — in their writings, the struggle with his "serpentine tongue" and "all-besmearing infectious breath" turns into a kind of collective dragon slaying. The article discusses examples of comparison with a serpent/dragon in George of Trebizond, Niccolò Perotti, and Domitio Calderini's writings, their context, and various interpretations of serpent/dragon motif. Refs 15.

Keywords: medieval demonology, eschatology, serpent, polemics, Renaissance Platonism, Plato-Aristotelian controversy.

ОБРАЗ ЗМЕЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕМОНОЛОГИИ

Змей, дракон и родственные им чудовища (гидра, василиск, медуза, химера и проч.), а также противостояние им героя-змееборца — традиционный мифологический и литературный сюжет, имеющий давнюю историю. Образ этот весьма важен и для христианской культуры: достаточно вспомнить о змее-искусителе в Книге Бытия или саранче со змеиным хвостом и драконе из Откровения Иоанна Богослова. В германской мифологии образ змея эсхатологичен: он воплощает мировое зло и играет важную роль в предстоящей гибели мира. Впрочем, на средневековом Западе дракон мог быть и частью «исторического» пейзажа — таков, к примеру, дракон Гелдерна [Oostebrink 2008: 194–198]. Различные змеи и змееобразные чудовища часто появляются на страницах западных бестиариев, причем образы их оказываются многозначными, поскольку определенное значение приписывалось в этой традиции не столько самому животному, сколько его свойствам, или «природам» [Махов 2017: 23; George, Yapp 1991: 190–202]. Так, змей (дракон) мог символизировать и грех, и добродетель, а также наделяться и демоническими чертами, и божественной мудростью и красноречием (ср.: «будьте мудры, как змии» (Мф. 10:16)) [Махов 1998: 122–123]. В XII в. благодаря Петру Коместору образ обогатился новым элементом, который затем воспроизводился в изобразительном искусстве: змей-искуситель обретал женственные черты (женскую голову, грудь и пр.) [Kelly 1971: 308–309; Caciola 2018: 106].

Змеи и драконы являлись также важным элементом византийских представлений о сверхъестественном. В этой традиции они всегда представляли собой препятствие и угрозу и никогда не были доброжелательными. Однако, по словам исследовательницы византийской агиографической литературы Моники Уайт, в византийской традиции отсутствовала однозначная связь змеиного и демонического: дракон или змей представляет собой совершенно особого рода зловредное существо, скорее природное, чем сверхъестественное [White 2008: 150]. Здесь

кажется важным отметить, что представления о сверхъестественных, демонических существах, сложившиеся между II и IV вв. н. э., с IX в. перестают занимать важное место в мире воображаемого византийских интеллектуалов [Mango 1992: 222] (при этом в византийской традиции демоническое в принципе определяется как некая лишенность и недостаточность, а дьявол представляет собой довольно жалкого персонажа [Mango 1992: 221]). С другой стороны, роль драконов, например в агиографической литературе, со временем становится ведущей: именно эпизоды драконоборчества оказываются центральными в житиях таких святых, как Перпетуя, Марина Антиохийская и Елизавета, не говоря уже о святом Георгии; это выражается в том, что эпизоды драконоборчества, даже такие незначительные, как в житии Перпетуи, сохраняются в подавляющем большинстве более поздних вариантов житий — и зачастую описываются в них все подробнее, — тогда как другие эпизоды могут пропадать [White 2008].

Образы змея, дракона, ядовитого болота — обиталища гидры, — химеры и прочих подобных чудовищ возникают и в далеком, казалось бы, от эсхатологии, демонологии или зоологии контексте полемики платоников и аристотеликов, развернувшейся в середине XV в. между учеными греками, бежавшими на Запад после падения Константинополя, а также их западными учениками и коллегами. Центральный эпизод этой дискуссии — противостояние Георгия Трапезундского и Виссариона Никейского — представляется наглядной иллюстрацией того, как по-разному могла интерпретироваться традиционная система образов в зависимости от целей и склонностей прибегавшего к ней автора.

ЗМЕИНЫЕ ЧЕРТЫ ПЛАТОНА И ПЛАТОНИКОВ В *COMPARATIO* ГЕОРГИЯ ТРАПЕЗУНДСКОГО

Прежде всего, стоит отметить, что *Comparatio philosophorum Platonis et Aristotelis* (1458) Георгия Трапезундского является не столько ученым, сколько полемическим трактатом. Важнейшей задачей его автора было доказать невежество и порочность Платона и платоников, а также гибельность их измышлений для любого народа и государства. Для этого он помимо прочего использует эсхатологические мотивы: Платон и его последователи приобретают в *Comparatio* сходство со лжепророками-предтечами Антихриста и самим Антихристом[1]; в сочинении используются некоторые элементы легенды о Гоге и Магоге (Георгий пытается доказать существование связи между платонизмом и исламом, а турецкое завоевание описывается им во вполне апокалиптическом духе)[2], а также пре-

[1] Идею «множественности Антихриста» ввел в *Liber figurarum* Иоахим Флорский [Rusconi 2000: 300–302; Whalen 2009: 117–118]; позднее, у Пьера-Жана Оливи и его последователей, она трансформировалась в идею существования «мистического» и «великого» антихристов [Rusconi 2000: 304–305; Whalen 2009: 210].

[2] Любопытно, что на излете Средневековья с Гогом и Магогом ассоциировались уже не только внешние, но и внутренние противники: так, например, этот образ широко использовался в полемике времен Гуситских войн [Cermanová 2016].

дания о последнем христианском императоре, который отразит натиск языческих племен, объединит весь христианский мир, после чего отречется от власти и вручит свое царство Богу (как ни странно, эту роль Георгий впоследствии прочил Мехмету II). В сочинении Георгия есть также немало небольших фрагментов, в которых автор так или иначе указывает на близость Платона и платоников к сфере языческого, бесовского и демонического. В частности, в *Comparatio* несколько раз возникает образ змея, ядовитого чудовища, многоголовой Лернейской гидры, которая губит своим дыханием отдельных людей и целые народы. Так, говоря о начальном этапе истории платонизма, Георгий прямо называет его «многоголовой гидрой» (*multiceps hydra*) попытавшейся пожрать мир, завершая этот пассаж следующими словами:

> *Herculeis viribus, hydram pestiferum efflantis capita detruncarunt, quae postea Platonis temporibus renata, librisque ipsis nutrita, aucta, magnarum virium facta, primum graeciam, deinde authoritate ac eloquentia platonicae graeciae quasi colubris, omnes gentes venenosa afflatu confecerunt* (Georgius Trapezuntius 1523: Tv r).
> «Геркулесовыми усилиями были отсечены головы изрыгающей яд гидры, которые по смерти Платона опять возродились, были самими книгами взращены, приумножены, наделены великою силою, и сначала Грецию, а затем посредством авторитета и красноречия платонической Греции все народы, словно малыми змейками (*colubris*) [заполонили и] поработили ядовитыми испарениями».

С образом собственно змея связаны еще два: отравы/болезни (*[Platonici] quasi melle linito poculo per vitiosissimam atque pestiferam affert potionem* (Georgius Trapezuntius 1523: Niiii r); «[платоники] словно в смазанной медом чаше приносят смертоноснейшее и губительное питье») и ядовитого болота, где змеи обитают и которое, в частности, остается на месте разоренных греческих городов, разрушенных не без помощи платоников (см., например: Georgius Trapezuntius 1523: Sv v-Svi r). Прямых указаний на женственные черты змея-искусителя в *Comparatio* не возникает, однако в его изложении платоники предстают людьми изнеженными, женственными и приверженными предосудительным сексуальным практикам. При этом Георгий отдает должное красноречию Платона и его последователей (Georgius Trapezuntius 1523: Aiii v) — также вполне характерному «змеиному» свойству.

Интерпретация образа змея у Георгия любопытна тем, что этот ученый грек, сам глубоко воспринявший схоластическую философию [Monfasani 2018], апеллирует к западной аудитории, которую еще надеется спасти от искушения платонизмом (в отличие от Плифона и Виссариона, которым он оппонировал, свое сочинение Георгий изначально писал на латинском языке, а не по-гречески). Поэтому систему образов в *Comparatio* следует, по всей видимости, рассматривать как раз в свете западной традиции, где связь дракона или змея с дьяволом очевидна при всей амбивалентности этого образа. Тем интереснее реакция его «западных» контрагентов на выдвинутые им «эсхатологические» обвинения.

ГЕОРГИЙ ТРАПЕЗУНДСКИЙ КАК ЧУДОВИЩЕ В ТРАКТАТАХ НИККОЛО ПЕРОТТИ И ДОМИЦИО КАЛЬДЕРИНИ

Исследователи полемики между Георгием и Виссарионом сходятся в том, что *In calumniatorem Platonis* (1469) Виссариона Никейского представляет собой сочинение вполне академическое, в котором все эсхатологические измышления Георгия Трапезундского последовательно игнорируются, а критикуются его философские и богословские тезисы или переводческие решения (см., например: [Monfasani 2008: 3]). Однако этот эпизод дискуссии о сравнительных достоинствах платоновской и аристотелевской философии не сводится к *Comparatio* Георгия и *In calumniatorem Platonis* (по сути, коллективного труда, в создании которого помимо Виссариона Никейского и Никколо Перотти, переведшего сочинение на латинский язык, участвовали также доминиканец Джованни Гатти, Джованни Андреа де Бусси и Теодор Газа [Monfasani 2008: 8]). Так, небольшой трактат о достоинствах платонической философии написал в конце 1466 — начале 1467 г. гуманист из круга Виссариона Фернандо де Кордова, а в октябре 1467 г. ему ответил сочинением *Adversus Ferdinandum Cordubensem* Никколо Пальмьери (см.: [Cattaneo 2020: xxvi–xxix]). В феврале 1469 г. Джованни Андреа де Бусси преподнес папе Павлу II издание *De Platone et eius dogmate* Апулея, в предисловии упомянув, что вниманию читателя вскоре будет представлено новое сочинение, в котором будет изложено учение Платона [Hankins 1990: 214]. А на появление *In calumniatorem Platonis* в августе 1469 г. Георгий Трапезундский немедленно ответил, создав, к сожалению, не сохранившееся сочинение, условно называемое *Annotationes*, в котором указывал на ошибки и неточности, допущенные Виссарионом. В октябре того же года Никколо Перотти написал ответ на это сочинение — трактат *Refutatio Deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis*. В том же 1469 г. Домицио Кальдерини отправил Франческо Бараццо, епископу Тревизо, письмо, в котором также разбирал *Annotationes* и критиковал Георгия Трапезундского.

Два последних трактата отличаются от *In calumniatorem Platonis* тем, что хотя их авторы и обсуждают философскую проблематику, их сочинения полны прямых нападок на Георгия Трапезундского. Как уже было отмечено, Виссарион практически полностью проигнорировал милленаристские и эсхатологические образы *Comparatio*, сосредоточившись на «академических» вопросах и использовав написанное Георгием лишь как повод для подробного обсуждения платоновской философии. В своем *Refutatio* Перотти объясняет это, с одной стороны, стремлением сохранить достоинство, а с другой — нежеланием навредить противнику:

> *Non fecit hoc Bessario partim pudore, ne tot flagitia commemorans dehonestaret opus suum, polluens manum scribentis, polluens legentium oculos, polluens aures audientium, polluens orationem; partim, ut tibi parcet, cujus non modo aestimationem, sed etiam vitam intelligebat in periculo futuram, si tot scelera, tot sordes, tot flagitia de principibus christianis abs te scripta conspicerentur* (Perotti 1942: 359).

> «Виссарион не сделал этого отчасти от стыда, чтобы не запятнать свой труд, упоминая столь многочисленные гнусности, марая руку пишущего, марая глаза читающих, марая уши слушающих, марая предмет речи; отчасти — чтобы уберечь тебя (Георгия Трапезундского. — *М. С.*), про которого понимал, что не только его честь, но и будущая жизнь в опасности, если люди обратят внимание на столь многочисленные преступления, низости и гнусности, тобою написанные о христианских правителях».

Можно сказать, что Никколо Перотти и Домицио Кальдерини эти соображения не останавливают — как мы увидим, оба без колебаний готовы поставить честь и жизнь Георгия Трапезундского под угрозу. И один из образов, возникающих в их сочинениях, это как раз ядовитое чудовище — змей, дракон, гидра, или химера, — грозящее отравить мир ядом своих измышлений.

Refutatio Deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis Перотти распадается на несколько частей, отличающихся не только сюжетно, но отчасти и стилистически. Ответом на *Annotationes* является лишь первая: затем Перотти разбирает (а скорее, использует в качестве материала для обвинительной речи) письма Георгия к Мехмету II и несколько фрагментов из «Сопоставления». Первая часть позволяет составить представлении об *Annotationes*: сочинении довольно значительного объема (как минимум 191 лист), содержавшем список претензий Георгия к *In calumniatorem Platonis*, его попытки оспорить некоторые комплиментарные суждения Виссариона о Платоне, а также встречные обвинения в клевете.

Вторая часть *Refutatio* связана с событиями середины 1460-х годов, когда Георгий по заданию папы отправился в Константинополь с разведывательной и дипломатической миссией: поездка состоялась в ноябре 1465 — марте 1466 г. Во время этой миссии и по ее окончании Георгий написал несколько писем и трактатов, адресованных султану Мехмету II, в котором увидел правителя, способного объединить под своей властью весь мир. По мнению Георгия, так решено самим Богом, допустившим падение Константинополя и тем самым открывшим людям свою волю. Целью Георгия было убедить Мехмеда II в истинности христианского вероучения, что, по его мнению, не должно было составить большого труда, ибо Великий Турок был большим поклонником Аристотеля, а положения философского учения Аристотеля (с точки зрения Георгия) практически совпадали с догматами христианства. Таким образом воплотилась бы легенда о последнем христианском императоре.

Попытки Георгия вступить в контакт с султаном привели к тому, что в середине октября 1466 г. он оказался в заключении в замке Святого Ангела по обвинению в государственной измене (*perduellio*), однако сумел оправдаться, обратившись непосредственно к Павлу II, своему бывшему ученику, и освободился в феврале следующего года. В *Refutatio* Перотти обильно, хотя и несколько тенденциозно, цитирует письма Георгия, где тот называет Мехмета II «великолепнейшим, прославленным и наилучшим императором римлян, владеющим престолом Константина благодаря своей добродетели и победе, дарованной свыше» (*ad excellentissimum, inclytum optimumque imperatorem Romanorum sedem*

Constantini virtute sua et victoria divinitus sibi concessa obtinentem (Perotti 1942: 360)), и стремится представить дело так, будто Георгий приветствовал турецкое завоевание, желал скорейшего поражения христианского мира и объединения всех народов под властью одного правителя и единой религии — ислама — и был готов всячески приближать этот момент. Интересно, что если до сих пор формальным адресатом его сочинения был Георгий, то, реанимировав таким образом обвинение в государственной измене, Перотти обращается уже к папе, императору Фридриху, «христианским правителям и государям»:

> *Iam non modo sperat Trapezuntius, non modo optat, sed compertum etiam habet et certo certior est Turcum Totius terrarum orbis imperium adeptum. Inanes ergo sunt cogitations tuae. Frustra abs te suscepti sunt tot labores, Paule secunde, pontifex maxime, cui statim post suscepta pontificatus gubernacula nihil antiquius fuit, nihil quod magis cordi atque animo insideret, quam ut… Christianorum rempublicam sustineres… et impissimum Turcorum tyrannum ex Europa atque omnibus Christianorum finibus expelleres… Sed ne hoc quidem poteris, si Trapezuntio credimus. Omnia enim occupaturus est Turcus et totius orbis dominus atque imperator futurus* (Perotti 1942: 365).
> «И вот, не только надеется Трапезунтий, не только желает, но доподлинно знает и твердо убежден, что Турок получит в свою власть весь круг земной. Следовательно, тщетны твои размышления. Напрасно ты так много трудишься, Павел II, верховный понтифик, для которого с момента обретения папской власти ничего не было более важного, ничего более занимающего сердце и душу, чем поддержание христианского мира… и изгнание нечестивейшего тирана турок из Европы и всех христианских пределов… Но, если мы верим Трапезунтию, не сможешь и этого. Ведь Турок покорит все и станет господином и повелителем целого мира».

В *Comparatio* Георгий подробно описывает, каким образом испорченная и истощенная платонизмом Греция пала под натиском развращенных тем же учением турок, которые, однако, сумели отчасти обратить платоновскую философию на пользу своему государству, а отчасти отвергнуть ее в случаях, когда она начинала угрожать внутреннему миру и согласию. Перотти же утверждает, что, говоря о том, как после падения Константинополя Греция «счастливо покорилась варвару» (*omnia barbaro feliciter successerint*), живописуя «легкомыслие, бессовестность, порочность христиан» (*nequitia, improbitate, scelere Christianorum*) и обвиняя священников и понтификов в том, что их вера ослабела, Георгий, «подлый человек» (*homo impurus*), намеренно и с радостью угрожает христианам и приветствует грядущее владычество турок (Perotti 1942: 366). А найдя в одном из писем Георгия обращенные к Мехмету II слова: *Coepit statim providentia divina domum tuam, cui, ut scriptura dicit, unionem et fidei et ecclesiae et imperii Deus reservavit, paulatim atque paulatim exaltare* («Начинает божественное провидение твой дом, которому, как говорит Писание, Бог предназначил единство и веры, и церкви, и правления, неустанно мало-помалу возвышать»), — Перотти видит в них вероотступничество и измену: *O scelus, o pestis, o flagitium! Hucusque unum totius orbis futurum imperatorem ostendit. Nunc unam etiam fidem futuram pollicetur, hoc est Mahumetanam*

(«О преступление, о зараза, о гнусность! До сих пор сулил он единого будущего повелителя целого мира. Ныне также обещает нам единую будущую веру, то есть магомедову») (Perotti 1942: 367). По его мнению, автор *Comparatio* и посланий к Мехмету II отвергает (и побуждает читателя отвергнуть) весь христианский мир:

> *Desciscimus iam abs te, Romane pontifex, et abs te mitissime imperator Federice Auguste. A vobis quoque, christiani reges et principes, desciscimus: Facessite, facessite omnes. Nulla apud vos fides amplius, nulla pietas, nulla religio, nullum aequitatis aut iustitiae vestigium, nullae praeterea leges, nulla iudicum subsellia, nulla tribunal. Haec omniaa vobis discesserunt et ad Turcum defluxere, ad quem mox etiam imperia et regna vestra deventura sunt* (Perotti 1942: 367).
> «Мы удаляемся от тебя, римский понтифик, и от тебя, кротчайший император Фридрих Август. Также от вас удаляемся, христианские правители и государи: уходите, уходите все. Никакой у вас больше нет веры, никакой набожности, никакой святыни, никакого следа беспристрастия или справедливости, к тому же никаких законов, никакого собрания судей, никакого судилища. Это всё от вас удалилось и постепенно перешло к Турку, к которому скоро также попадут ваши империи и царства».

Последней частью трактата становится обвинительная речь, с которой Перотти обращается не только к правителям, но и ко всем христианским народам:

> *Sed ad te Pontifex Maxime, ad te Auguste Caesar, ad vos christiani reges at principes orationem meam converto… Vos etiam Galli, Hispani, Germani, Itali et ceterae gentes… Vos, inquam, omnes appello, vos implore, vos testor. Hancine luem, hancine pestem, hancine tabem, hancine humani generis infamiam sustinere amplius poteritis?* (Perotti 1942: 374).
> «Но к тебе, Верховный Понтифик, к тебе, Август Цезарь, к вам, христианские правители и государи, обращаю я свою речь… Также обращаюсь к вам, галлы, испанцы, немцы, итальянцы и прочие народы… Вам повторяю, к вам обращаюсь, к вам взываю, вас призываю в свидетели. Можете ли дальше сносить эту заразу, эту чуму, эту язву, этот позор рода человеческого?»

Ранее Перотти называет Георгия «поэтом, который вдруг сделался богословом» (*poeta theologus repente exortus*); теперь он вспоминает о спартанцах, заподозривших Архилоха в нечестии и запретивших ему читать свои стихи, сосланного Овидия и Платона, изгнавшего поэтов из своего государства (Perotti 1942: 360, 374).

Однако, подробно цитируя сказанное Георгием, сам Перотти тщательно избегает эсхатологических ассоциаций: сколь бы ужасны ни были падение Константинополя и война с турками в Европе (как раз в 1468–1469 гг. начались активные военные действия на Балканах), он не описывает ее как нашествие Гога и Магога; Мехмет II, разумеется, несправедливый и жестокий тиран, но его образ лишен черт лжепророка или Антихриста. Христианский мир, который у Георгия

оказывается на краю гибели, у Перотти находится в тяжелом, но не катастрофическом положении. Вероятно, это позволяет Перотти вывести дискуссию из пространства священной истории в пространство истории политической (так же, как Виссарион выводит ее в пространство философии).

Как мы уже отмечали, в сочинении присутствует развернутое и последовательное сравнение Георгия Трапезундского с чудовищем: драконом, ядовитым змеем, химерой, бешеным зверем и проч. Собственно, *Refutatio* открывается таким сравнением:

> *Evomuit tandem Trapezuntius Cretensis conceptum animo virus et post multorum dierum sparsa per totam urbem tonitrua aliquando pluit. Parturiunt montes et enixi sunt non ridiculum murem, ut in proverbio est, sed chimaeram quondam prima parte leonem iracundiae flammas emittentem, postremo draconem spirantem toxica, media capram caprinum olentem* (Perotti 1942: 345).
> «Наконец изверг Трапезунтий Критянин накопленную душою желчь и, много дней спустя, обрушил в конце концов на весь город удары грома. Рожают горы, и родили не смешную мышь, как говорится в пословице, но химеру, которая первой частью — лев, испускающий пламя, последней дракон, выдыхающий яды, а в середине — вонючая коза».

Перотти описывает Георгия как человека «безумного, неистового, бешеного, свирепого, применяющего не доказательства, а **отраву**, не слова, но **шипение**, не простой, но расщепленный натрое и совершенно змеиный язык» (*…homine deliro, rabioso, furibundo, vesano, non rationibus, sed* ***venenis****, non verbis, sed* ***sibilis****, non simplici, sed trifada et plane serpentina lingua utente* (Perotti 1942: 345)). Очень характерно описание конфликта Георгия с Газой:

> *Praesertim nova interpretatione problematum Aristotelis, quam Theodorus Thessalonicensis, vir utriusque linguae doctissimus, edidit, mox te rabies quedam immensi furoris invasit, et veluti draconis epoto calice insanire ac palam furere coepisti* (Perotti 1942: 373).
> «В особенности, когда Теодор Фессалоникянин, муж в обоих языках самый сведущий, издал новый перевод “Проблем” Аристотеля, скоро тебя охватило некое неистовство безмерной ярости, и ты начал, подобно дракону, испивши чашу, безумствовать и откровенно бесноваться».

У Домицио Кальдерини, который в своем письме опирается на *Refutatio* Перотти, но строит повествование несколько иначе: сначала излагает биографию Георгия, затем переходит к его попыткам вступить в контакт с Мехметом II, к чему присовокупляет критический разбор *Comparatio*, и лишь затем начинает воспроизводить практически дословно (но не подряд) первую часть *Refutatio* с критикой *Annotationes,* — мы встречаемся с той же риторикой. Так, он называет Георгия «чудовищем, ярящимся против народа христианского и выдыхающим отвратительный смрад» (*monstro adversus populum Christianum furenti et taeterrimos spiritus anhelanti*) (Calderini 2020: 8). Более того, он прямо сравнивает Георгия с гидрой: многие ученые мужи положили немало трудов на то, чтобы

опровергнуть сказанное в *Comparatio*, но, когда победа была уже близка, «геркулесова гидра высунула еще одну голову» (*alterum caput Herculea hydra emisit*) (Calderini 2020: 29), написав *Annotationes*. Более того, на сцену выходит и сын Георгия Андрей, также сочинивший трактат *Contra Platonem*, и Кальдерини восклицает: «С громким шумом и криком другую голову отращивает геркулесова гидра, сетует, кличет, душит, вопит, всех к оружию призывает» (…*ingenti strepitu et clangore alterum caput promit Herculea Hydra, ingemiscit, inclamat, angitur, vociferatur, omnes ad arma deposcit* (Calderini 2020: 9)).

Отметим, однако, что даже эти сравнения разрабатываются скорее в «историческом», чем в «эсхатологическом» ключе: так, у Перотти чудовище-Георгий сравнивается с бродящими в лесах дикими зверями и монстрами иных эпох (причем последние принадлежат исключительно классической мифологии) — все они существуют на периферии населенного мира, тогда как Георгий нарушает это правило и со своими «бреднями» (*deliramentis*) вторгается в пространства, населенные людьми, — но это тоже не приобретает характера катастрофы, поскольку чудовище можно поймать и уничтожить:

> *Multa genuit natura mortalibus horrenda, apros, leones, tigros, serpentes et alias immanes feras. Sed haec silvis dumtaxat et desertis locis vagantur. Monstra etiam diversis temporibus plura fuerunt. Sed Caccus in uno Aventino monte, Scylla et Charybdis in freto Siciliae, Cyclopes in monte Aetna, Sphinx apud Thebas, Cerberus apud inferos, Denique Hydra, Medusa, Harpyae et alia cuiuscumque saeculi monstra in suo quodque solo grassari consueverunt. At hoc nostril saeculi monstrum, omnibus quae memoravi turpius, hoc prodigium, hoc portentum, haec pestis, haec lues… omnes populous, omnes urbes, omnes provincias, omnes nationes invasit, polluit, foedavit, contaminavit, infecit* (Perotti 1942: 374–375).
>
> «Много породила природа смертным ужасов: вепрей, львов, тигров, змей и других страшных зверей. Но они бродят только в лесах и пустынных местах. В разные времена существовало также множество чудовищ. Но Как лишь только на Авентинском холме, Сцилла и Харибда в Сицилийском проливе, Циклоп на горе Этне, Сфинкс у Фив, Цербер в аду, наконец, Гидра, Медуза, гарпии и другие чудовища любых времен — все имели привычку бесчинствовать поодиночке. А это чудовище нашего века, гнуснее всех, которых я упомянул, это чудо, этот уродец, эта чума, эта зараза… все племена, все города, все провинции, все народы поразила, замарала, осквернила, запятнала, заразила».

Каждое из мифических чудовищ в должный срок встречалось с героем, которому суждено было его убить: помещая в этот ряд Георгия Трапезундского, Перотти побуждает читателей ополчиться на описанного им монстра. Такое «драконоборчество» требует, по его замыслу, коллективного усилия:

> *Exsurgite igitur, exsurgite pontifices, exurgite Caesares, exsurgite reges et principes, vos populi omnes et universae nations exsurgite, simul cum viris mulieres, cum senibus pueri, cum liberis servi, cum civibus civitates, exsurgite inquam omnes, et hunc sceleratissimum hominem, hanc truculentissimam feram, hoc immanissimum monstrum non ex urbe abig-*

ite, non ex Italia exterminate, non ultra Sauromatas, ut poeta inquit, et glacialem oceanum relegate, sed caedendum flagris et usque ad ossa dilaniandum, discerpendum, dilacerandum tradite (Perotti 1942: 375).

«Итак, восстаньте, восстаньте, понтифики, восстаньте, Цезари, восстаньте, повелители и государи, вы, все племена и народы Вселенной, восстаньте, вместе с мужами жены, вместе со старцами дети, вместе с господами слуги, с гражданами государства, восстаньте, повторяю, все и этого преступнейшего человека, этого свирепейшего зверя, это лютейшее чудовище не от города отгоните, не из Италии изгоните, как говорит поэт, "к ледяному океану за савроматов" (Ювенал, сатиры, кн. 1, сатира 2), но приговорите его к бичеванию, чтобы он был до самых костей растерзан, разодран, разорван».

А когда «заразнейший дух и отвратительнейшая душа» (*contaminatissimum spiritum et foedissimam animam*) Георгия покинут его тело, то следует предать поруганию, подвесив вверх ногами на кресте и предоставив прохожим его поносить и забрасывать камнями (Perotti 1942: 375).

Итак, образ змея или родственного ему чудовища, а также мотив драконоборчества оказываются значимыми элементами риторических стратегий участников дискуссии платоников и аристотеликов. При этом если грек Георгий интерпретирует эти сюжеты в русле западной эсхатологической традиции, указывая на «змеиные» и демонические свойства Платона и платоников, то его оппоненты-итальянцы, прямо сравнивающие противника с драконом или гидрой, трактуют этот образ в «светском», гуманистическом духе (это отчасти сближает их представления с теми, что были свойственны византийским интеллектуалам). Дракон-Георгий у них — беснующееся чудовище, враждебное человеческому (христианскому) миру, которое потому надлежит устранить. Перотти и Кальдерини изображают своего противника существом хоть и несущим опасность, но при этом безумным и даже жалким, а коллективная победа над ним оказывается вполне возможным делом.

Источники иллюстративного материала

Domitii Calderini. Epistola ad Franciscum Baratium // Cattaneo, Gianmario. Domizio Calderini, Niccolò Perotti e la controversia platonico-aristotelica nel Quattrocento. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 1–77.

Georgius Trapezuntius. Comparationes phylosophorvm Aristotelis et Platonis. Venice, 1523. Repr. Frankfurt a. M.: Minerva, 1965.

Perotti N. Refutatio Deliramentorum Georgii Trapezuntii Cretensis // Mohler L. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann: Funde und Forschungen. Bd. III. Paderborn: Ferdinand Schoningh, 1942. S. 345–375.

Литература/References

Caciola N. M. Serpents and Lies. *Speculum*, 2018, vol. 93, no. 1, pp. 101–110.

Cattaneo G. *Domizio Calderini, Niccolò Perotti e la controversia platonico-aristotelica nel Quattrocento*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2020.

George W., Yapp W. B. *The naming of the beasts: natural history in the medieval bestiary*. London, Duckworth, 1991.

Hankins J. *Plato in the Italian Renaissance*. 2 vols. Vol. 1. New York, Brill, 1990.

Kelly H. A. The Metamorphoses of the Eden Serpent during the Middle Ages and Renaissance. *Viator*, 1971, vol. 2, pp. 301–328.

Mango C. Diabolus Byzantinus. *Dumbarton Oaks Papers*, 1992, vol. 46. Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan, pp. 215–223.

Makhov A. E. Bestiary as a Subsystem of Medieval Semiotics. *Vestnik RGGU. Seriia 'Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia'*, 2017, no. 9, pp. 20–36. (In Russian)

Makhov A. E. *Sad Demonov — Hortus Daemonum: Slovar' infernal'noi mifologii Srednevekov'ia i Vozrozhdeniia*. Moscow, Intrada Publ., 1998. (In Russian)

Monfasani J. George of Trebizond, Thomas Aquinas, and Latin Scholasticism. Searby D. (ed.). *Never the Twain Shall Meet? Latins and Greeks learning from each other in Byzantium*. Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2018, pp. 47–61.

Monfasani J. A Tale of Two Books: Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* and George of Trebizond's *Comparatio Philosophorum Platonis et Aristotelis*. *Renaissance Studies. Journal of the Society for Renaissance Studies*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 1–15.

Oostebrink E. W. Der Drache und die Vögte von Geldern. *Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein*, 2008, vol. 211, pp. 191–267.

Cermanová P. Gog and Magog: Using Concepts of Apocalyptic Enemies in the Hussite era. Schmieder F., Brandes W. (eds). *Peoples of the Apocalypse: Eschatological Beliefs and Political Scenario*, Berlin, Walter de Gruyter, 2016, pp. 239–256.

Rusconi R. Antichrist and Antichrists. McGinn B. (ed.). *The Encyclopedia of Apocalypticism. Vol. 2. Apocalypticism in Western History and Culture*, New York, London, Continuum, 2000, pp. 287–325.

Whalen B. E. *Dominion of God: Christendom and apocalypse in the Middle Ages*. Cambridge (Mass.), London, Harvard University Press, 2009.

White M. The rise of the dragon in middle Byzantine hagiography. *Byzantine and Modern Greek Studies*, 2008, vol. 32, no. 2, pp. 149–167.

Сведения об авторе

Семиколенных Мария Владимировна
Кандидат культурологии
Русская христианская гуманитарная академия
Российская Федерация, 191011, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15

Semikolennykh Maria V.
PhD in Culturology
Russian Christian Academy for the Humanities
15, nab. reki Fontanki, St Petersburg, 191011, Russian Federation
E-mail: maria.semikolennykh@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0296-1476
SPIN-код: 6812-8331
Author ID: 559175
Scopus ID: 57255457100
Research ID: rid36846